



9. Колмогорова А. В. Практики общения матери с ребенком: к вопросу о сущности коммуникативной компетенции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. №3. С. 91 – 98.

10. Лучинская Е. Н., Сизоненко И. Б. Перформативность судебного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 1. С. 142 – 146.

Об авторе

Ольга Николаевна Варламова – асп., Сибирский федеральный университет, Красноярск.

E-mail: olga-varlamova@mail.ru

24

About the author

Olga Varlamova, PhD student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

E-mail: olga-varlamova@mail.ru

УДК 398.23; 811.161.1

М. А. Евстафьева

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЧЕРНОГО ЮМОРА*

Культурное явление, определяемое как черный юмор, тематически организовано по полевому принципу и ориентировано на основные шесть тем: смерть и всё, что с ней ассоциативно связано, разрушение физиологической целостности человека, страх перед опасностью, угрозы близким, социальные катастрофы, «некрофильство». При этом во всех случаях активно реализуется игровой принцип.

Wry humor as cultural phenomenon thematically is organized as a semantic field and focuses on six major components: death and associated with it, destruction of human physiology, fear of danger, threats to beloved ones, social catastrophes, necrophilia. A "play principle" is actively being implemented in all these cases.

Ключевые слова: семантическая область, ключевой концепт, черный юмор, анекдот, русские заветные сказки, метонимия, прагматика, игра.

Key words: semantic closeness, key concept, wry humor, anecdote, Russian sacred tales, metonymy, pragmatics, play.

До настоящего времени феномен черного юмора рассматривался лишь в частных аспектах, да и сама его история видится исследователям по-разному. С одной стороны, высказывается мнение, что как культурное явление он определился примерно на рубеже XIX – XX вв. сначала

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант № 16-04-00034 «Язык и познавательные эффекты “черного юмора”».



ла во Франции, а потом в Англии и имеет «авторские» корни (Ж.-К. Гюисманс, В. Буш, А. Бретон и др.) [1, с. 139]. Однако в России тематические элементы черного юмора можно встретить еще в творчестве Н. В. Гоголя или А. К. Толстого. С другой стороны, установки, которые можно уверенно определить как «черные», прослеживаются в самых разных традиционных системах. Так, элементы мрачной шутки засвидетельствованы еще в аккадских загадках возрастом 3,5 тыс. лет или в античной латинской поэзии; черный юмор отчетливо характерен для фольклора, отражая в нем карнавальную традицию; особое проявление деструктивной иронии составляют ритуальные святотатства в некоторых религиозных системах; к данному феномену, несомненно, должны быть отнесены детские страшилки, сочетающие в себе страшное и забавное.

Функциональность черного юмора исследователи также расценивают по-разному. Так, обращение к «черной» тематике связывают с постулированными Э. Фроммом базовыми свойствами человеческой психики — наличием в ней двух противоположных установок. Первая предполагает утверждение всего того, что содействует жизни, и определяет «биофильский» психический тип, вторая — утверждение обратного, разрушающего начала и определяет «некрофильский» тип [4, с. 428, 479]. Исходя из этого черный юмор предлагается рассматривать в связи с его способностью быть формой «прививки от подлинной агрессивности, то есть выполнять положительную роль» [2]. Феномен черного юмора связывается и с присущим человеку страхом небытия. С этих позиций основным предметом мрачной шутки выступает смерть, а черный юмор «является или претендует на то, чтобы быть лекарством от “болезни к смерти”» [3, с. 71]. Вариант этой концепции составляет утверждение функциональности черного юмора в психологической сфере. Здесь он определяется как выполняющее защитную функцию высмеивание наиболее серьезных, проблемных сторон человеческого бытия (в их ряду смерть занимает главное место) и в связи с этим — как способ снижения уровня психологической напряженности человека в его реальной жизни [5, с. 209—210]. Черный юмор связывается в функциональном аспекте также с игровым началом, причем и в данном случае мрачные шутки решают психологические задачи: «...это игра, испытание на прочность, когда проверяющий уверен, что испытываемый эту проверку выдержит. Скорее даже проверке подвергает себя сам шутник, пытающийся смехом заглушить сомнение в собственной душевной прочности» [2].

Границы черного юмора зачастую видятся размытыми. В связи с этим феноменом рассматриваются примеры, которые по сути своей никак с юмором не связаны, — скорее они представляют чисто «некрофильские» (по Э. Фромму) или откровенно деструктивные текстовые построения (см., например, [1]). Разумеется, текстам такого рода свойственна особая эстетика, они решают уникальные психологические и когнитивные задачи, возможно, выполняют терапевтическую функцию в сфере психологии или психиатрии. Но смеха или хотя бы горькой усмешки они не вызывают. В самом деле, содержит ли какие-либо элементы смешного рассказ Д. Хармса «Реабилитация»? На этот вопрос можно уверенно ответить отрицательно. Ср.:



Меня обвиняют в кровожадности, говорят, что я пил кровь, но это неверно: я подлизывал кровяные лужи и пятна – это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А также я не насильствовал Елизавету Антоновну. Во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится [6, с. 103–104].

В русской же фольклорной традиции отмечаются сюжеты, в которых объектом смеха выступает не смерть или все то, что с ней связано, а нарочито нелепые и искусственные жизненные ситуации, которые с точки зрения обыденной культурной нормы могут быть определены как «нечистые». При этом смеховой эффект рождает именно их нелепость, абсурдность, которая внешне предстает как балаганная забавность. Так, в «Заветных сказках» А. Н. Афанасьева есть пример, носящий название «Каков я!». В нем мужик наказывает вороватого попа тем, что тот публично предстает испачканным в нечистотах.

Таким образом, феномен черного юмора на самом деле оказывается гораздо шире тех границ, в которых он обычно определяется. С одной стороны, он соотносится с авторскими «некрофильскими» текстами, в которых смеховое начало предельно ослаблено и функция которых никак не связана со смехом. С другой стороны, его представляют тексты, обращенные к проблемным, мрачным сторонам жизни, но проблемность их показывается сквозь призму смешного, в нелепых или внешне забавных ситуациях. Третий вектор расширения феноменальных границ черного юмора в культурной традиции – господствующие в общественном культурном сознании нормы *позитивного* и *негативного* и обстоятельства нарушения данных норм.

В этих условиях ключевым оказывается вопрос: что, собственно, составляет объект черного юмора? Над какими проблемными жизненными темами человек вообще способен смеяться? А с этих позиций возможно прояснить вопросы и более глубокого характера: каковы познавательные механизмы черного юмора? в каких условиях над бедой можно посмеяться, а в каких – нет?

Рассмотрение массива примеров, в которых проблемные или роковые жизненные ситуации показываются так, что они вызывают смех или хотя бы усмешку (путь и горькую), позволяет выделить несколько разновидностей черного юмора с точки зрения его тематической направленности.

И прежде всего это *собственно черный юмор*. Объект высмеивания в данном случае – смерть или обстоятельства, связанные с ней по методическому принципу (неизлечимые болезни, предсмертные состояния, агония, похороны и т. п.), а также *удары* по здоровью и физической целостности человека – убийства и самоубийства, различные травмы, увечья, проявления жестокости, каннибализм, несчастные случаи, катастрофы, горе и т. п.

В этих обстоятельствах выделяются несколько тематических доминант. Так, наиболее значимой в отношении черного юмора является тема смерти и всего того, что с ней связано: болезни, предсмертное состояние, убийства, самоубийства, покойники, гробы, похороны и т. д.



Тема болезни, расширяясь далее, ситуативно обращает черный юмор к таким референтным сферам, как больница, операция и операционная, врачи, патологоанатомы, крематорий и т. п. Ср.:

Человек пришел проведать больного приятеля. Жена предупредила, что муж совсем плох и что кислая физиономия друга расстроит больного и усугубит его состояние. Гость весело вошел в комнату больного и бодро закричал:

– Ну как? Умираем?!!

Полковник – лейтенанту:

– В вашем взводе у рядового Иванова отец попал в автомобильную катастрофу. Так вы уж подготовьте его и сообщите ему поаккуратнее.

Сцена вторая. Лейтенант:

– Рядовой Иванов, ко мне! Сообщаю вам, что в результате автомобильной катастрофы у вас погибли отец, мать, сестра и оба брата.

Иванов падает без чувств. Лейтенант, поддерживая его:

– Ну, ладно, ладно, пошутил, только отец.

Во дворе:

– А Саша выйдет?

– Саша умер...

– А скиньте мяч.

Вторая высокая по частотности тема черного юмора может быть определена условно как *разрушение телесной целостности человека*. Картина такого разрушения представляется, как правило, вне оценки, подчеркнута обыденно. В связи с этим часто актуализируется модель «человеческая плоть — это мясо», получающая соответствующее лексическое оформление, или более определенно «человеческая плоть — это пища (в том числе и для других существ)». Ср.:

Идет дед Степан с бабой Марфой с покоса домой вдоль дороги. Вдруг их обгоняет мотоциклист без головы. Они задумались, но пошли дальше. Через 5 минут опять их обгоняет мотоциклист без головы. Опять задумались, но пошли дальше. Третий раз их обгоняет мотоциклист без головы. Тут дед Степан не выдержал и говорит:

– Слышь, Марфа, ты бы косу на другое плечо перевесила!

Двое мужиков оказались на необитаемом острове. Совсем одичали.

Как-то смотрят – плывет по морю корабль. Один кричит:

– Ура! Сейчас он подплывет к берегу и с него сойдут люди!

Другой мрачно басит:

– Да. Мяса на всю зиму заготовим...

Третья принципиально значимая тематическая доминанта черного юмора — некая угроза жизни и страх перед нею. При этом в одних случаях опасность является мнимой и объектом смеха становится реакция на нее; в других случаях — опасность реальна и смеховой интерес вызывает то, как человек в этой опасной ситуации себя ведет, порой только приближаясь к катастрофе. Ср.:

Звонок в аварийную «Горгаза»:

– Сынки, что такое? Плитку с утра включила, а газ не горит!

– Бабуля, а вы спичку-то зажигали?

– Ой, забыла, сейчас зажгу...



На задней части кузова грязного грузовика:
«Обгоняй! Кто-то ждет твои почки...»

- Доктор, что меня теперь ждет? Операция? Ампутация?
- Больной, я не могу вам всего рассказать. Вам потом будет неинтересно.

Огромная овчарка набросилась на прохожего.

– Не бойтесь, не бойтесь, – закричала хозяйка, – ей уже сделали укол против бешенства.

Четвертая тематическая доминанта черного юмора – такая фундаментальная культурная ценность в обществе, как жизнь и здоровье близких в границах родственных отношений (между родителями и детьми, тещей и зятем, свекровью и невесткой, бабушками/дедушками и внуками) или отношений внутри четко ограниченной социальной группы (между соседями, коллегами и т. д.). Эти отношения также представляются в связи со смертью, болезнями, увечьями или тяжелыми состояниями человека. В случаях подобного рода родственные или социальные связи дополнительно усиливают эффект «черной» шутки. Ср.:

Парень присылает из армии домой гранату с запиской:

«Дорогая бабушка! Если потянешь за это колечко, я смогу получить трое суток отпуска».

Мужик в баре пьет пиво. В это время врывается его друг, весь в слезах:

– Вася, друг, такая штука вышла... У тебя теща под трамвай попала. На-смерть.

Мужик медленно поворачивается к бармену:

– Горе-то какое... Налей-ка мне ТЕМНОГО пива.

Мужик выиграл в лотерею 100000 долларов. Прибегает домой поделиться радостью с женой. Та встречает его со скорбью на лице.

– Ты знаешь, милый, у меня сегодня мама умерла...

Мужик забегает в сортир, и оттуда доносится его радостный крик:

– Во прет! Во прет!

В рамках этой тематической доминанты можно рассматривать и черный юмор, объект которого составляют отношения людей и домашних животных. Основание для этого дает жизнь тех и других в одном пространстве и обычно тесная бытовая или хозяйственная связь. Поэтому чаще всего в этих условиях фигурируют кошки, собаки, коровы, овцы, свиньи, но могут быть и дикие животные – в последнем случае темой шуток выступает их опасность для человека. Данная тематическая разновидность черного юмора также реализуется двояко: в виде как вербальных текстов, так и образных форм. При этом обнаруживается следующая тенденция: в вербальных текстах внимание фокусируется преимущественно на человеке, и черный юмор проявляется в связи с его отношением к животным. Ср.:

- Как вам не стыдно выгуливать собаку без намордника?
- Да жалко ее, болеет, скоро помрет, пусть хоть порадуется немного.
- И чем это она таким болеет?
- Бешенством.



Местные власти, выдавая и отзывая разрешения на открытие ларьков «Шарма», научились регулировать численность бродячих животных.

- Как скрестить свинью и корову?
- С помощью мясорубки.

Черный юмор данной тематической разновидности может реализоваться и в отношении к ситуациям, в которых человек сталкивается с дикими или экзотическими животными. В случаях такого рода концептуальный объект юмора составляет страх человека по отношению к этим животным, а по сути — страх смерти (и все то, что с этим страхом связано) или факт смерти. Ср.:

Пошел мальчик в лес погулять, заодно пописал. Потом увидел медведя, заодно покакал.

Пациент африканской больницы понял, что ему что-то не договаривают, когда от его койки перестали отгонять гиен.

Маленький мальчик в зоопарке пролез в клетку со львом и протянул ему пеньку. Ну что тут сказать? Мальчик хотел покормить льва — мальчик льва покормил.

Пятая тематическая доминанта в рамках черного юмора — катастрофические события социальной жизни, которые условно могут быть определены как «совместная беда». Виды ее — стихийные бедствия, эпидемии, террористические акты, войны, маньяки, политические катаклизмы и т.д. В рамках этих событий выделяются некие неожиданные условия, которые либо связаны с физической смертью человека, либо могут быть осмыслены в связи с ней. Ср.:

Пивовар из Баварии Гюнтер Штольц очень хотел побывать в России. Кое-что ему не понравилось, кое-что удивило...

А потом его убили под Сталинградом.

После землетрясения откапывают мужика в общественном туалете, несут его на носилках, а он все время повторяет: «Я же только слегка дернул...»

Идет сходка арабских террористов.

Главарь:

– А теперь почтим память погибшего при закладке бомбы нашего брата Али.

Абдулла:

– Что случилось? Вроде и взрывчатку взяли хорошую, американскую, и таймер крутой, японский...

Главарь:

– Да этот кретин таймер на летнее время перевел.

Жена бьется на груди у мужа:

– Помогите! Спасите! Вызовите пожарных — наш дом горит!

– Тише, милая, тише, ну успокойся! А то маму свою разбудишь...



Как относиться в этих условиях к примерам, в которых некрофильская установка присутствует, но имеет вторичный характер, подчиняясь неким семантическим эффектам, которые «черные» обстоятельства жизни неожиданно обнаруживают и вводят в сознание человека? Скорее всего, внимание к примерам такого рода привлекает все-таки реализованный в них принцип игры — крайне неожиданное и парадоксальное соединение в одном контексте несовместимых содержаний, в числе которых и относящиеся к некрофилии. Поэтому скорее всего, «юмор» для примеров такого рода — условная характеристика. Подобная парадоксальность ситуаций, неожиданный разворот положения дел, обнаруживающий их связь с «черной» темой, в частности, характерна для вербальных текстов. Ср.:

У одной женщины был сынок Вовочка. Хороший мальчик, послушный... Вот однажды она его просит:

- Вовочка, сходи в магазинчик за хлебушком.
- Хорошо, мамочка, давай денежки.

Дала мама ему денежки, и пошел он магазинчик за хлебушком. А когда переходил дорогу, его сбил трамвай и ножки отрезал. Вовочка взял ножки в ручки, держит и говорит:

- Ничего себе! Сходил в магазинчик за хлебушком...

Сынок спрашивает у папы:

- Пап, можно улицу на красный свет переходить?
- Можно. Только когда переходить будешь, руки вверх подними.
- А зачем?
- Чтобы футболку в морге легче снимать было...

Таким образом, тематическая структура собственно черного юмора представлена следующими компонентами:

- смерть и все, что с ней связано;
- разрушение телесной целостности;
- опасность и страх;
- опасность, угрожающая близким;
- социальные катастрофы;
- игра в некрофильство.

Список литературы

1. Борисов С. Б. Эстетика «черного юмора» в российской традиции // Из истории русской эстетической мысли. СПб., 1993. С. 139–153. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov7.htm> (дата обращения: 14.12.2015).
2. Жельвис В. И. Черный юмор: анатомия человеческой деструктивности // Ярославский педагогический вестник. 1997. №4. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/uchenu_e_praktikam/4_10/ (дата обращения: 12.04.2017).
3. Кебуладзе В. Феноменология черного юмора // Докса. Логос і праксис сміху. 2004. Вип. 5. С. 71–79. URL: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_5.htm (дата обращения: 24.03.2017).



4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2015.
5. Шмелева Н.Л. Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности // Альманах современной науки и образования. 2009. №8 (27). Ч. 2. С. 210–212. URL: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/88.html (дата обращения: 12.04.2017).
6. Хармс Д. Сны большого Млина. СПб., 2001.

Об авторе

Марина Анатольевна Евстафьева – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.
E-mail: MEvstafeva@kantiana.ru

About the author

Dr Marina Evstaphieva, associate professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: MEvstafeva@kantiana.ru

31

УДК 811.161.1'27

И. А. Королева

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ А. В. МАКЕДОНОВА В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ 90-х ГОДОВ XX ВЕКА (по материалам писем к Маргарете Томпсон, хранящихся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета)

Рассматриваются специфические черты речевого портрета известного советского критика, друга и соратника А.Т. Твардовского А.В. Македонова. Его переписка с Маргаретой Томпсон, американской исследовательницей творчества А.Т. Твардовского, относится к началу 1990-х годов. Эпистолярный дискурс исследуется в лингвокультурологическом аспекте, как пример речи потомственного петербургского интеллигента, родившегося в начале XX в. и обладающего историческим опытом своего поколения. Материалы впервые вводятся в научный оборот.

This article considers the speech portrait of the renowned Soviet critic A. V. Makedonov – A. T. Tvardovsky's friend and companion. Makedonov's correspondence with Margareta O. Thompson, an American student of Tvardovsky's oeuvre, dates back to the early 1990s. The epistolary discourse is examined from the perspective of cultural linguistics as an exemplary speech of a descendant of a Saint Petersburg intelligentsia family, born in the early 20th century and a witness to corresponding historical events. This is the first time the materials have been presented to the research community.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, эпистолярный дискурс, А. В. Македонов, специфика речевого этикета.

Key words: language personality, speech portrait, epistolary discourse, A. V. Makedonov, speech etiquette.